

Вячеслав КАРПЕНКО

ПРИДОРОЖНИК

Ольга Камникова

автор -

с уведомлением

в редакцию
соответственно

Учредитель

28.03.08

6:00

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ЦБС
АКАДЕМИЧЕСКОМУ ЦЕНТРУ СЪЮЗУ
РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
КОНКУРСУ ПРОЗЫ

Вячеслав КАРПЕНКО

ПРИДОРОЖНИК

176129

Калининградская
ЦБС

Калининград, 2007

Детская библиотека №1
Московского р-на

Старший
читальный зал

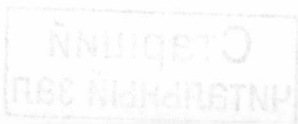
*Ночью все кошки серы,
И красное видится черным.
Течет грязевым селом
Кровь по вскрытым аортам.*

*Дымится она и густеет,
И в землю уходит усталость.
И всходит то, что посеешь,
Но вовсе не то, что мечталось...*

ISBN 5-901194-29-2

© В. Карпенко, Калининградский
ПЕН-центр

© оформление А. Попов

СВОЙ ПАРЕНЬ

МОТОР ревел надсадно, когда колёса попадали в заснеженную колдобину. Совсем недавно утихла пурга, прорвавшая стену леса, который тесно подступал к дороге по обе стороны. Тогда они выходили из кабины измученного «лендлизового» «Студебеккера» и лопатами отыскивали колею.

...Два человека, замученных двухсоткилометровой дорогой, сжимаемых морозом и съёжившимся лесом. Единственной их опорой в этом замершем за стёклами мире оставался луч фары да пропахшая бензином теплота кабины. Вторая фара была разбита при погрузке.

Они везли обсадные трубы для буровой бригады со станции Княжпогоста, продрогшего нервного узла «железки» Коми-республики. Трубы необходимо доставить срочно: прервать безостановочность работы на буровой означало гибель скважины - зима...

Оставалось двенадцать часов и сто двадцать километров пути. И заносы на дороге подстергали машину всё чаще. И мотор всё сильнее задыхался в очередном усилии, пока не закипела вода в радиаторе. Приходится остановиться и развести костёр, чтобы натопить снег. Младший, почти мальчишка, попавший на север из романтического упрямства, неловко оскользнулся, наливая воду в парившее отверстие, и обернул ведро на себя. Пришлось вновь набивать снегом прокопченное ведро, а сорокоградусный мороз сразу заковал валенки, ледяной коркой прихватил ватные брюки.

Через несколько километров по-новой пришлось отгрести из-под колёс снег. Ноги его сжимало обрубком, кружилась голова, и тянуло ко сну, но он закусывал губы и ни за что не признался бы в своей слабости. Потом вроде и отпустило, и на следующем перегоне младший даже закончил рассказывать о белом безмолвии, пленившем троих путников, о борьбе и победе, о тайной нежности мужской дружбы. И о волках, которые бывают благороднее человека - не замечены в канибализме.

- Смотри-ка ты, - покачивал головой водитель, не отрывая глаз от дороги. — Здорово, видать, знал этот Лондон нашу жизнь. Налей... и себе!

Спирт обжигал горло, они открывали двери, чтобы зачерпнуть снега. «Считай, что мороженое» - выдыхал водитель, с усмешкой кося взгляд на молодого.

- Джек Лондон - это писатель, а всё прошел сам: парнишка «на подхвате», газетчик, матрос, золотоискатель, кажется, даже пират...

- Интересный, стало быть, парень. Ты как... А сейчас он где?

- Умер. Сорок лет уже...

- Свой был... Пошли копать, а то двигун сорвём начисто.

И вновь они копали. И ехали дальше. И опять отбрасывали снег, освобождая вязнущие колёса. Пока не показались огни Визинги - небольшого села на берегу северной реки Сысолы, теперь закованной метровым панцирем льда.

Когда младшему разрезали валенки, чтобы снять их с опухших ног, он закричал. Скрипучим криком,

вырвавшись наружу и возвращающим сознание.

На следующий день сорокалетний водитель протиснулся в наиндевелую дверь сельского медпункта.

- Вот: принёс, - он добродушно выдохнул спиртово-табачный пар. - Может, быстрее время-то уйдёт. Ты здесь поправляйся, ничего...

Это была книга Джека Лондона «Смок Белью». И - бутылка спирта, питьевого.

ПУСТЫНЯ

... ВЕТЕР дует порывами, несет над землёй острую снежную крупу пополам с пылью и песком. Солнце поднимается нехотя, как бы плавая в полупрозрачной дымке, и медленно разливает свой свет на безрадостную, безликую равнину.

Глинистая земля, лишь кое-где прикрытая пролысинами хрупкого снега, кажется, не может родить никакой жизни: редкие кусты жесткого биюргуна и дрожащие побеги полыни смотрятся сиропшвыми и случайными.

Никакой дороги или тропы не оставляет на себе промерзшая почва, а случайный след почти сразу стирается ветром. Беда путникам, затерявшимся здесь, в стороне от дорог и ориентиров. Кажется, и время здесь движется по-своему, отмечая лишь вековые да тысячелетние мгновения. Ровная земная гладь теряется, тонет где-то в зыбком горизонте, а он колеблется и мерцает - то ли небо впереди, то ли море...

Неопытному человеку даже солнце в такой зим-

ний день не послужило бы путеводом: на небе, кроме истинного, столь же ясно видны несколько ложных солнц, обведенных кругами. И это не странность, не мираж даже, а лишь холодное свойство сильного преломления лучей, вовсе не редкое в этих пустынных местах.

Несколько солнц да медленно парящий орел, выискивающий редкую жертву... И тишина, не нарушаемая даже орлиным клекотом

Но мало кто решится быть зимой на Устюрте, вне людей, вне дорог и близкого пристанища.

Чуть переместится солнце, впереди может открыться темная гряда. Такая же, что возникла сейчас чуть в стороне и сзади. Кажется, совсем рядом поднимаются горные кряжи - это видны истонченные водой, солнцем и ветром, излизанные бывшим здесь тысячи тысяч лет назад морем отвесные стены впадины: она была когда-то дном того моря, и стены те подобны чинку, что окружил всю пустыню крепостной стеной. И хотя до стен этих, быть может, не один десяток километров, кажутся они близкими, совсем рядом - все то же обманчивое преломление лучей, подстраивающее сказочно-обманные миражи на пустынном месте...

Мглистые солнца освещают многоцветные обрывы, которые будто созданы для иллюстрации геологического атласа своими многослойными разрезами, тысячелетними напластованиями и образованиями, вскрытыми ветрами и весенними спадами редких вод. Грибовидные останцы, гигантские шары спрессованных временем песчаников; причудливые громады на тонких основаниях выдуваются по час-

тицам и по своему времени рушатся под собственной тяжестью.

Все напоминает фантастический лунный пейзаж, который не воссоздашь простым желанием и короткой мыслью, а здесь скульптор один - постоянный, вечный, бесстрастный - Природа. И времени у нее много.

Склоны чинков порой напоминают неприступные стены древних замков, хмурых и молчаливых, и - напряженных. Одно время способно взять эти бастионы... лишь ему они подвластны.

Ничто не нарушает здесь безмолвия, холодного и равнодушного. Лишь ветер, усиливаясь по временам, гудит в неровных изрезах скал, точит новые каменные изваяния...

Местами стены выветрены и поднимаются ступенчатыми широкими платформами-террасами. Кое-где видны никем не копаные пещеры и углубления. Иногда склоны осторожно и мягко, будто опасаясь нарушить покой, сползают вниз длинным - в несколько километров! - языком гигантского оврага с рельефными оголенными стенами.

По дну такого ущелья, защищенного от ветра и резкого солнца, скатывается весной и застаивается редкая снеговая и дождевая вода, она вбирает в себя соли и тончайшую пыль, нанесенную в щели, затаины, трещины камней. Благодаря воде здесь всегда зеленеет кустарник, даже зимой тускло шуршит жухлый тростник. И в пустыне есть жизнь. Всякая. Тихая...

Медленно, словно нехотя, поднимается тусклое

солнце. Медленно сочится по трещине в скале тонкая пыль, и кто знает, сколько еще времени пройдет, пока истончит та пыль вместе с водой, ветром, морозом и солнцем огромные загнутые рога старого муфлона, что шел издали к месту последнего успокоения. Тяжелые рога, выщербленные во многих боях за право продолжения рода... Вот и еще, и еще: они приходят сюда, могучие в страсти муфлоны, если доживают до старости, приходят, чтобы стать частью этой пустыни.

Много времени у природы, кажется она сама - время. Но на созидание уходит его больше, чем на разрушение...

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

(из Тянынаньской поэмы «Вожаки»)

... ДА, ЖИЗНЬ бывает жестока: природа частенько поверяет детей своих на прочность и на красоту. Она словно специально подстерегает твои слабости и ставит ловушки, чтобы убедиться в твоём праве на нее и развить желание, и силу - жить дальше... Волчонку, похожему на отца своей лобастостью, еще предстояло испытание: застарелый капкан у сурчиной норы сомкнет свои челюсти на передней лапе подростка-перейрка, и ему придется лишиться двух пальцев. Мать поможет ему зализать рану; а этот небольшой порок - словно предупреждение об опасности, еще неспособное ослабить - сделает походку волка валкой и разовьет мышцы, привьет гордое умение не отставать от соплеменников и ос-

торожность, даст чутье опасности и чужих запахов. Много уроков примет из беды сильный зверь - если он силен...

А жизнь полна превратностей, совпадений, кажущихся случайностью, но и утрата несет в себе доброту - если открыться ее состраданию... Но жизнь и шаловлива, жизнь иронична. И жизнь прекрасна: прежде всего тем, что она - самотечна. Плохое сменяется хорошим, время стирает время, жизнь движется и движет, и приносит то, что она должна принести. Именно тебе. Именно - твое.

А пока мать-волчица подняла единственного теперь детеныша по той знакомой ей трещине в почти отвесной стене над водопадом бурлящей горной речки, к которой припадали оба отщелка и над которой так недавно давал отец-матёрый выход своему торжеству, законному своему праву Продолжателя.

И другая мать привела олененка по той же, знакомой и ей осыпающейся розово-каменной трещине.

Водопад гудел своими заботами; река хлопала перекатываемыми валунами; всплескивали в реке рыба-форель и рыба-осман, пытаясь взлететь по водопадной струе: солнце светило всем, никого не выделяя и никого не судя...

Они встретились - волчонок и олененок.

Однажды, когда волчица ушла с матёрым на охоту, лобастый круглый щенок - которому теперь с избытком хватало молока и мяса и который все еще поскуливал, вспоминая недавнюю толчею возле материнских сосцов, - этот нескладеныш-щенок вылез из-под-камня-из-темноты-мрака - скуки-одиначест-

ва. Он обманул не очень настойчивую бдительность молоденькой тетки, или кем там она волчонку приходится. Обманул и очень осторожно, очень беззаботно пустился за черно-рыжей бабочкой, вначале напугавшей его своим полетом.

... Олененок исчез из-под бдительного ока маменьки, не видящей никакой опасности на плавном волнистом плоскогорье с высокой, ветром колеблемой травой. Олененок тоже заметил большую черно-рыжую бабочку, которой как раз и не хватало, чтобы придать смысл прыжкам.

Бабочка была райской. День был райский. Настроение было райское. И хотя оба детеныша уже в полной мере познали испуг, хотя страх тек в их крови из артерий их многочисленных предков как способ уберечься и сохраниться, - колеблющемуся розовому чуду было дано свершиться. Райская черно-рыжая бабочка пролетела между волчонком и олененком.

На полном скачке затормозил олененок всеми четырьмя копытцами да так и остался стоять, выставив вперед прямые тонкие, стройные ножки, расставив их и склонив вопросительно мордочку с замшевыми настороженными ушами.

На полном бегу прилег, вжался в землю волчонок, прижимая треугольники ушей к лобастой, все тело перевешивающей голове, и прикрыл вздернутые раскосые глаза.

Они осматривали друг друга: матово-фиолетовые глубокие очи с уже просыпающейся тысячелетней грустной мудростью покоя и коричневые с круглым черным зрачком острые глаза, вобравшие в себя весь ужас и всю гордость силы тех же тысячелетий.

Они обнюхивали друг друга: от обоих еще пахло материнским молоком.

Стоял июнь - кто, скажите мне, враждует, кто угрожает и кто пугается в июне, в жаркий багряный трепещущий полдень?..

Осмыслив всю невинность встречи, помчался по кругу олененок, приглашая нового приятеля порезвиться.

Принимая всю безопасность и веселье встречи, помчался за олененком волчонок.

Они менялись местами, увертывались от шуточных наскоков, гонялись все за той же или за другой бабочкой, смеялись солнечным искрам, которые прыгали в глаза и своим пестрым танцем гасили злобу: детеныши были довольны собой и друг другом, разноцветьем приминаемых трав, учащенностью возбужденно-беззаботного дыхания и веселому потоку крови в горячих телах...

Волчонок еще почти ничем не напоминал будущего Серого Вожака: лапы были толсты и расхлябаны и, пока подводили хозяина, цеплялись друг за друга и заставляли кувыркаться, а лобастая голова все время перетягивала и мешала - шейка для нее была слишком слаба, а силенки в озорном возбуждении убывали слишком быстро. Олененок же и тогда был уже законченным, стройно-стремительным, только младенческие пятна на мягкой шкурке, подростковая хрупкость да отсутствие рогов-короны ждало завершения всего, чем можно было позже восхищаться во взрослом марале, в Благородном.

Они встретились. Они были дети. И - играли. Это было неестественно, однако они еще этого не

знали: им было весело, радостно, дружно и счастливо. Так есть сегодня... Так было... еще сегодня. Что ж, завтра... оно придет - это завтра. И все же сегодня этого танца и веселья, и безмятежности никто не перечеркнет. Конечно, оно придет со своими заботами - завтра. Но ведь "завтра" - это другое, и мы - уже совсем-вовсе в нем - другие...

И блажен ты, если память о сегодня-"вчера" хоть немного задерживается, да и как памяти не задержаться! Они встретились. Рай, существующий до появления Адама, рай - им разрушенный и нарушаемый - казалось, готов обрести прежние силуэты в детской игре. Обрести в дрожащем розово-голубом мареве июньского горного полдня.

Как совместить: счастье и недоверие, счастье и страх, счастье и угрозу? Какой опыт, какой опыт опытов и обновленных ошибок самоутверждения помогут избыть недоверие, страх и угрозу?.. Не жизни и смерти, нет: они гармоничны и естественны, как увядание и усталость. А только - счастья, где тот опыт, когда утрачен? Память, память, ее хранят даже камни и травы - память, так нужная человеку, чтобы не стать их врагом - вот этих резвящихся детенышей, того грохочущего водопада, тех медленных облаков, часть которых - он сам...

Несутся безоглядно олененок с волчонком за бачкой. а вот и маралуха учуяла, узнала, увидела их, играющих, ее опыт, опыт матери и опыт матерей-матерей не допускал подобной игры, не оставлял ничего, кроме страха и ярости за этот страх.

Мать-олениха затоптала бы малыша-волчонка, если бы не появилась встревоженная волчица. Кто

знает, быть может, она затоптала бы и волчицу, если бы ее сын, ее надежда и ее страх, не ткнулся в ее набухшее вымя.

И кто знает, может быть, мать-волчица, увернувшись, подрезала бы сухожилие оленухе, а потом зарезала бы олененка, если бы ее сын - ее гордость и ее боль - не ткнулся бы беззаботно в ее сосцы...

Стоял июнь - кто, скажите мне, - враждует, кто угрожает, кто пугается в июне, в жаркий, багряный трепещущий полдень, когда истомой течет белое живое молоко и когда дети приникают к сосцам?!

... Они разошлись - волчонок и олененок, никогда больше не повторившие своей игры. Много еще иных встреч, опасных и радосных, придется им пережить врозь, прежде чем состоится их последняя, так печально непохожая на первую, встреча, на которой заматеревший Серый Вожак поёт свой темно-зеленый вой у неподвижной короны Благородного.

* * *

Пришла первая их осень: с туманами и серыми дождями, с пожухлой травой и струящимися сыростью скалами, с градом и неожиданным громом, рычащим в трещинах гор, которые в ответ глухо вздыхают бурыми осыпями.

Пришла осень: с тревожащими непонятно-сокровенные, сладкие чувства вздохами и хрипами, с угрожающим, гулким, зовущим криком страстных разъяренных Повелителей, к которым уходила мать-маралуха. Осень: с одиночеством, с грустью и удивлением перед такой полнотой и непознанностью, и таким разнообразием жизни. И перед таким ярким

ее усыпанием. Медленно опадали последние листья на плечи юному маралу, и только ели все так же чернеют влажной хвоей...

За осенью - мягкая, пушистая зима, вкрадчивая и опасная своими ловушками, внезапными снегопадами и голодом. Но как раз зимой узнал волчонок силу своих челюстей, и пришлось напрягать волю, чтобы побороть хромоту и не отстать от матери-волчицы, старших братьев, с которыми пришел волчонок в зимнюю стаю. А олененку потребовалась вся быстрота его ног, вся унаследованная ловкость и чувство тропы, чтобы избежать тех волчьих челюстей. Но они росли. И каждое преследование делало их сильнее, каждая удача - красивее, каждая обида - горделивее, каждое внимание - осторожнее; а кровь в жилах - несла свою мудрость, и племя диктовало каждому свои законы.

... Бежит, спешит, стремится куда-то разновременно-многоцветная вода в бурливой горной речке, возле которой родились и выросли волчонок и олененок. Возле которой превращались они в волка и марала.

Гудит и ревет Черная речка, унося весною валуны и упавшие стволы. Волнуется и урчит Красная речка летом, смывая принимаемыми в себя ручьями глину с отгорков; мельчая порой, шепчет невнятным призрачным языком в жаркие дни. Прыгает и захлебывается Буро-серая речка, испятнанная желто-красными листьями, фиолетовыми ягодами, простроченная рыже-зелеными иглами - осенью. Журчит и булькает, и чревоугодит под бело-зелено-оражево-голубым

панцырем льда перекатная Ледяная речка - зимой.

И всегда - всегда-навсегда - поит она всех, наклоняющихся к ней. И всегда - изменялась сама - показывает она, как идет время: вот наклонился ты утолить жажду и видишь не того головастого разлапистого смеющегося щенка, а широкогрудого, с седоватым воротником, пружинисто-валкого в походке и сурового Первого волка, Серого Вожака; и не того рыже-пятнистого, гололобого, удивленно-восторженного сосунка, но - стоит на стремительных сухо-мускулистых ногах серебристо-бурый, с тяжелой короной и темной гривой, спокойно-одиноким марал, Благородный олень.

Бежит, торопится куда-то всех принимающая, всех утоляющая, всех примиряющая бурная горная речка.

Туда: в верховья ее, в трепетный разряженный воздух, в голые нежные, хрупкие просторы льдистых арчевников и серебряных эдельвейсов, среди которых нарождалась их речка, - туда стал уходить с третьего своего лета Благородный, как только появились у него рога. Там берегал он молодые кроветворные свои панты от насекомых и других охотников за ними, и спускался вниз лишь к осени, когда нежные побеги на лбу окаменеют и станут короной, и оружием. Туда изредка добирался и Серый Вожак в надежде утолить голод, и ловил иногда рассеянного улара или случайного молоденького тэка.

Там - в высоком студенном воздухе - была речка совсем такая, какими они были внизу, в детстве: речка-волчонок, речка-оленок.

НАСТРОЕНИЕ

...МЕНЯ всегда раздражали белые ночи. Белые ночи и трамваи.

Видимо, потому что они отрицали меня. Вместе с тобой. Отрицали... и уходили от меня. Всегда - от меня. Белые ночи ОТ меня. ОТ меня - трамваи. Они и тебя скрывали или увозили - ОТ...

От... от... от... всегда — от. Только — ОТ.

А я ждал - КО мне... И ты знала это.

Я тоже пробовал их не замечать.

Поднимал голову, поворачивался спиной. Просто - закрывал глаза...

Но напуская гордыня оборачивалась бессонницей. Или - сбитыми ногами, гудящими от пройденных километров. Поражением, нет... тоской.

...Есть на Севере болезнь. МЕРЯНКА - МОРОКИ - так её называют северные люди.

Болезнь снегов и света. Болезнь... Красоты! Болезнь слабости и одиночества.

Неприятя Природой - Человека. Непрощения Блудного Сына.

Человек живёт день. Месяц. Несколько месяцев.

Над ним - дёргается Небо. Над ним — изгибается, колышется, взрывается и ревет Небо. Ревёт, бушует Свет. Свет... Свет и Цвет. Краски. Свето-краски!

Зелёные, розовые, красные, оранжевые, голубые. Фиолетовые, оранжевые. Оранжевые, как абрикос — на исчерно-синем холоде ночи. Оранжевые. ОРАНЖЕ...

- Потушите Небо! - выскакивает в снег и кричит человек. Человечек - под колышущимся, раскалён-

ным морозом небом, По-отушите небо... Потуши...туши...

... Ушёл, наверное, последний трамвай?

Посмотри: под ногами теплятся каштаны. Влажные каштаны, за коричневым их гляncем—сочувствие, там жизнь - за глянцево-влажной коричневой кожей.

Ты набираешь пригоршни каштанов. Матово-влажных. Жажущих тепла и земли. Жажущих своего слияния, возвращения в её, Земли, лоно.

И ты просыпаешься ночью, и тянешься к их сочувственному теплу... Ты уверена, что можно вобрать в себя это тепло - и ничем не отвечать?

К утру каштаны засыхают. Чего, кажется, неоставало им? - Немногого, как и нам: разделённости их одиночества. Земли. Слияния...

Ещё ползает белая ночь. Уже взвизгнули трамваи. -Потуши... ПО-ТУ-ШШШИ-ТЕ-НЕ-БО!..

ДОРОГИ

Мне дважды повезло. Мне просто удивительно повезло. Я приехал в этот город. Сумел приехать, не мог не приехать. А это было трудно сделать - приехать. Трудно и - необходимо. Необходимо, пусть и трудно. Необходимое - всегда трудно.

Но я приехал. Я не мог не приехать.

Впрочем, не приехал - прилетел, хоть это и ничего не меняет. Я прилетел и вошёл в телефонную будку.

- Не могу ли я услы...

176129
681971

- Ох, это ведь ты... опять — ты! Ну конечно же - ты... Так можно ведь зайкой стать - не ждала...

Ну конечно же - я. Приехал, прилетел. Примчался. Заявился, да? Да. Да-да. Прилетел в эту будку. Телефонную. Теперь все будки - мои.

Ты только говори. Всё, что угодно — говори. Молча — говори.

Да. Да-да-да.... Чего я хочу? Действительно, чего я хочу...

Я хочу совсем немногого.

Совсем необходимого. Хочу так много. Счастья у виде... «Алло! Алло.. Ал...»

Гудки.

Короткие.

Короткие. Как — свидание. Как - жизнь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*«Девушка, которая с первым лучом
солнца положит на могилу
Бируте цветов, найдёт его вечером
в руках суженого...»*

(...в Паланге)

«Алло, ты сейчас выйдешь, и мы поедем... мы уедем... совсем уедем!»

- Но...ты?! Здравствуй, для начала! Откуда...

«Конечно - здравствуй. ЗДРАВСТВУЙ! Я жду тебя, и она ждёт - Бируте. Ты ведь не забыла её?»

- Забыла-а?! Ты...

...Весталке нельзя любить. Только для Бога го-

рит твой костёр. Ты забылась, Бируте? Ты не можешь - не должна - смотреть в глаза смертному. Даже - князю. Твоему - Князю.

Бойся, Бируте, страшна месть за твою любовь. Не Бога месть, нет — что Богу до маленькой весталки, закланной людьми ему в невесты. Закланной людьми, чтобы откупиться за свои грехи. Страшна месть оскорблённого шептания, обиженной надежды на спасение. Чувствуешь, какие взгляды змеятся по твоим плечам?

Оглянись: слабеет огонь, который тебя обрекли поддерживать. Вернись - и опустятся руки, уже поднимающие камни в пыли собственных маленьких страстей. Вернись... забудь князя и заглуши биение своего сердца, успокой дыхание, так вызывающе обостряющее грудь. Вернись, забудь, тебе, как прежде, будет сытно и покойно - бесстрастно и равнохладно. Вернись — это просвистел первый камень... его скоро назовут Громом, этот камень. Так удобно - взвалить на богов и гром от них...

Шумит в соснах прибой. Что-то шепчут ветру дюны. Тает под луною выплеснутый морем январь...

«Послушай, зачем ты встаёшь так рано? Где нашла ты цветок такой поздней осенью? Вернись: ты заклана, по плечам твоим уже змеятся взгляды оскоплённых кастрюль. Вернись - тянутся руки за камнем, обёрнутым в сплетню...

- Алло, я ведь могу... могу поднять этот цветок!

Тает поднятый тобою январь.

«ГЕНИЙ МОЙ - ЖЕНСКОГО РОДА!»

Думается, одной из первостепенных черт величия Художника становится его восхищенность, зачарованность Женщиной.

Женщина - как источник и утверждение красоты, как средоточие чувственной и духовной основы в природе. Женщина - как продолжение и превращение. Из точки в окружность, из окружности в звезду и дальше - во Вселенную.

Наконец, как отблеск этой Вечно Женственной Природы - в самом себе.

Потому так и волнует нас нескончаемая вереница женских образов, что в каждом из них, написанном великим художником, обязательно присутствует часть его собственной сути, женственной-животворящей-страдающей. И — отдающей.

«Художник должен быть наивен, беспечен и бескорыстно щедр»...

Мадонны Леонардо и Рафаэля, Саския Рембрандта и Маха Гойи, Одалиски Матисса и Царевна-Лебедь Врубеля... Как правило - это всегда одна, Единственная. Счастлива (или несчастлива) встреченная, совпадающая или же зеркально отражённая той женственной частью души художника, что обрекает его на вечный поиск, вечную мольбу и труд Пигмалиона.

Не осознав этого невозможно понять сути обаяния, секрета чар художника. Тем паче - того, с кем сегодня мы знакомим читателя журнала.

Замечательный русский художник Сергей Калмыков (1891-1967), ученик Бакста, Добужинского,

Петрова-Водкина в школе-студии племянницы К. Сомова Е.Званцевой, одарил Оренбург, Алма-Ату, в которой прожил последние свои, тяжкие и счастливые 35 лет, а теперь дарит - Москву и Париж видением «мирискуссников» начала века, космичностью чувственно-художественных устремлений.

Уникальная графика С.И. Калмыкова, кроме абсолютно необычной, концентрированной в точках и связующих пульсирующих линиях, техники рисунка, открывает нам серию фантастических женских образов. Образы эти воплотили в себе не только идеал женской красоты, увиденной однажды и навсегда в живой героине своих писем, но и само представление о Вечно Женственном - одухотворённом, полётном, протяжённом во Времени и Пространстве.

У художника, оставшегося бытово одиноким, все женщины, на десятках, сотнях гравюр, монотипий, офортов, рисунков, - не просто воздушны: они крылаты и изысканно удлинены, они ирреальны, но и живо осязаемы, потому что сквозь их парящую бестелесность просматривается осязаемая, мускульная связь их создателя с Землёй и Небом.

Даже его «Ведьма, читающая Гёте» парит в воздухе благодаря крылышкам, и традиционная метла - лишь театральный реквизит, который подчеркивает скорость движения да изящество форм!.. «Дочери Великого Костюмера», «Красавицы» (восточные и лунные), «Ассистентки Леонардо да Винчи», «Музы пиратов» и прочая и прочая - все они суть «видения об одной», апофеоз которой художник воссоединяет с первым собственным шедевром («Красные кони», 1911 г.) в картине последних лет жизни.

«Вы становитесь — «рассудку вопреки, наперекор стихиям» - наперстницей моей и поверенной моего тридцативосьмилетнего гения! - пишет художник в одном из писем. - Кто-то движет моей рукой!

- Майорийские боги? О нет, не они! Может быть, Вы? - не знаю. Недавно я подумал: а ведь Гений мой женского рода!..» - «Дорогая О.А.! Вы не можете не согласиться, что я не могу не вспоминать Вас! В самом деле - над моей кроватью на стенке набит длинный холст - длиннее кровати! - его можно и продолжать, но можно считать законченным! Это знаменитый, как я его назвал, «Остров Цитеры!» - и на нём изображены Вы!» - «Часто жалею, что нет здесь Вас. Вы стали бы яснее сама себе. Ведь Вы же до некоторой степени и моё создание! Но наша переписка, конечно, создаёт отчасти и меня...»

И - как итог самоотвержения: «Не всякий имел счастье прожить... занимаясь живописью, как искусством - в наше время, столь далёкое от всеобщего увлечения (или хоть осознания) живописи, как искусства. Как будущего... Так надо знать цену этому своему счастью».

О, Галатея! - Жива ли ты ещё в художнике? А - в мужчине?..

Он был нищим.

Его лоскутные разноцветные, самошитые и размалёванные красками одежды вызывали столбняк у встречных прохожих. Батон и бутылка молока многие годы составляли его дневной рацион, зато носил он скудную пищу свою в волшебной суме с вышитой Ювелирной Чашей Созвездий, зато воздушная

Муза с бегущим рядом Леопардом всюду сопровождали его на треугольном мольберте. Его все в городе знали. И все чурались. Он мог говорить несколько часов кряду непостижимые «нормальному» уму вещи, чуждые марксово-ленинскому материализму (прагматизму?) и погребённому под радужным бытом социалистическому реализму. О потоках вариационных рядов, пространственных решётках, настроении цветов и собственно цвета, сумме человеческого опыта и его взаимосвязи с космическим устройением... и ещё о многом мог говорить он часами и горячо, завораживая и заставляя оглядываться (случайных слушателей). Был зол и неопрятен, но придуманные им причудливые шокирующие одежды на полвека опередили нынешние изыски модельеров. И для него не существовало авторитетов.

Юродивый. (Городской дурачок. Уличный паяц.)

Умер он в последней стадии дистрофии в городской психиатрической больнице. Без друзей и последников.

А был он самым богатым человеком в этом южном городе у сказочных гор. И, вполне вероятно, самым богатым человеком в мире. Ведь он мог себе позволить кататься на каменных атомических велосипедах с Леонардо и Микельанджело вокруг Везувия. (И был почитаем обоими, несмотря на ненависть и полное отрицание ими друг друга.) Или - улететь в Башнях-Вихрях на другую сторону Луны, где жили его знакомые мальчишки-пантеры и пантеры-девочки, где танцевали прелестные многоногие крылатые девушки. И великий Моцарт играл косми-

ческую музыку на межзвёздном рояле со световыми струнами...

А ещё он был единственным создателем и владельцем огромной коллекции собственных картин, позже разошедшихся по запасникам провинциальных музеев и частным рукам.

Он был самым счастливым человеком «на Земле, в Космосе и их окрестностях». Потому что всю сознательную жизнь занимался только одним, для чего он был рождён, призван и признан Временем: занимался Искусством. Жил в нём и им, вопреки всему, вопреки тому времени, которое тикало на наших ручных часах и будильниках и гомонило в радио, вопреки обстоятельствам и общественному укладу, стремившемуся снивелировать световую гамму в защитный серый цвет. Живописью, графикой, архитектурой, театром, литературой, философией и пр. И пр.

СЕРГЕЙ КАЛМЫКОВ.

Имя очень с ним созвучное, ибо соединило в себе рациональную утончённость Запада и необузданную красочность Востока. Ажурную готику логики Европы и страсть скачущих скифских коней в раскалённом ветре Азии. Красочную причудливость «Мира искусств», непредсказуемость жизненного театра и космичность фантастического предвидения.

ХУДОЖНИК.

Родился в Самарканде 19 (6-го с.с.) октября 1891 года. Крещён в православной вере. Рос и заканчивал гимназию в Оренбурге - пограничном городе Европы с Азией. Учился живописи в С-Петербурге в сту-

дии Е.Н.Званцевой (школа Бакста, Добужинского и Петрова-Водкина). И напоминал, по выражению последнего, «молодого японца, только научившегося рисовать»... Его «Красные кони», написанные «пастозно и грубо, как у древних скифов» были представлены в школе за год до известного «Купания красного коня», на котором для мальчика со знаменем позировал, кстати, он.

Он не стал ни «заслуженным», ни «народным», хотя его декорациям в Опере рукоплескали, едва открывался занавес. Впрочем, его фамилия редко значилась в афишах.

Он и не мог быть облечён подобными званиями!

Он: «Гений 1 ранга Междупланетной категории, Магистр цветной геометрии, Гроссмейстер волнистых линий и линейных искусств, самый элегантный мужчина Земного шара, Великий, Наивный и Совершенный» - Сергей Калмыков!

Перебивавшийся ремеслом копииста и не продавший за свою жизнь ни одной собственной картины (и несть подобным судьбам гениев числа)...

Умер в полном одиночестве, без своей школы и учеников (как, впрочем, любимый им Леонардо) - ибо им начинался и заканчивался путь собственных поисков. Но в Искусстве «ничего не начинается нами и ничего не кончается после нас». Как и в Духе... Фантазёр и мечтатель, который жил в своём реальнейшем межзвёздном мире лунных джазов и крылатых красавиц. И провожала его одна женщина, певица оперного театра, которую он не успел написать.

Ни на одном из кладбищ города теперь не найти его могилы...

«Из глубин Вселенной смотрят миллионы глаз. И что они видят! Ползёт и ползёт по Земле какая-то скучная одноцветная серая масса... И вдруг - как выстрел - яркое красочное пятно: ЭТО Я ВЫШЕЛ НА УЛИЦУ!»...

КОЛЮЧКА

Рассказка

*Всяк бугорок спотыклив да важен,
да не всяк — по уму...*

(поговорка)

У Глаши не было ни брата, ни сестрички, а время детского садика кончилось. И у неё начиналась новая жизнь.

Зато был у маленькой Глаши большой друг. Дядя Володя, художник.

Вообще-то друзей у неё много все вокруг, потому что всем она любила помогать.

- Ох, Глашенька, скоро осень, и ты в школу пойдёшь. Кто же мне за хлебом сбегает, - стала даже говорить соседская бабушка Зоя Николавна.

- Ничего, - отвечала девочка. - Мне ещё утром голубей покормить надо, а у кошки Милы скоро котята выведутся. И у Лёшки-терьера лапа больная. Я во вторую смену попрошусь учиться!

Много друзей и забот у Глаши, но самый большой всё же дядя Володя. Потому что он один умел всё-всё рисовать, и к тому же они оба любили зверей и цветы.

У художника в квартире жили: два ежа, старый кот Базиль, который лучше отзывался на имя Васька, лохматый, огромный и добродушный сенбернар Атилла, на нём даже верхом можно было проехать. И ещё приставучая сорока Зинка. На окне в круглом аквариуме плавали золотые рыбки и ползали улитки, да и окна почти не было видно - его завива-

ли цветы, которые цвели редко, но поливаться хотели часто. Глашке приходилось об этом напоминать другу.

Подружились они из-за котят, сначала Милиных, а потом и просто чужих.

- Что-то от меня приятели прятаться стали! - смеялся иногда дядя Володя, рассказывая, где поселился очередной их подопечный. Но город большой, а знакомцев у художника много даже и за городом.

И ещё, когда Глаша приходила полить цветы и погладить Атиллу, художник рисовал ей зверей и птиц, и деревья, и стрекоз, и голубое небо, и солнышко на нём или тучи с дождём, а то и туман - это смотря по их настроению. И всё было очень похоже, так что маленькая Глаша могла долго сидеть у его картинок для неё и представлять себя среди зверей, птиц и леса, и тихонько разговаривать с ними, совсем тихонько, чтобы не мешать.

Вот из-за такого рисунка всё и началось.

Вернее, началось всё тогда, когда в соседнем дворе Глашка, догоняя выпавшего из гнезда воробьёныша, наткнулась на колючку. И в одной руке принесла к дяде Володе занозу, а в другой - воробыша.

- Сейчас-сейчас, ты только не плачь, - приговаривал дядя Володя, сразу понимая, что произошло и не сердясь.

- Я и сначала не плакала, это слёзы сами текут, а мама ругаться будет...

- Пойдём, я знаю, где его гнездо, а то вот Базиль уже интересуется! Сейчас покажу, где живёт этот желторотик, а потом мы тебя в момент вылечим и коленки отмоём.

Художник прикрыл полотенцем большую картину, которую он всё рисовал для выставки. «Всё равно не примут... не возьмут», - бормотал он про себя как песенку.

- Почему же не возьмут? Она красивая, - сказала Глаша, она уже видела эту тётю на портрете, и Атилла сидел рядом, положив голову к ней на колени. Голова была тяжёлая, а глаза Атиллы были ещё грустнее, чем обычно.

- Потому что потому... не возьмут и всё. Ты где-нибудь видела красных женщин и голубых собак? Вот и пойдём.

Он залез на дерево, где в дупле, оказывается, пряталось гнездо, а не под крышей, как она думала. Художник даже поднял её к себе, чтобы и девочка посмотрела на всех птенцов. Их найдёныш оказался самым взъерошенным и писклявым. На верхних ветках ругательски верещала воробьишка, но Глашка не удержалась и погладила птенцов. Они открыли клювы, запищали, один даже ущипнул за палец. Видно, им всё равно кто здесь, лишь бы накормил.

Дома дядя Володя вытащил из её ладошки большую занозу пинцетом и смазал руку одеколоном.

- Терпи, - говорил он и дул на ранку, а сорока Зинка суетилась рядом на столе. И сенбернар подошёл лизнуть, ободряя, но начал чихать от одеколона.

- А вот и видела! - сказала, чтобы не показать накатывающихся слёз и успокоить Атиллу.

- Что видела-то, птаха-пони маха?

Она понимала, что ему невесело и теперь не до неё. Художник встал, прогнал с плеча сороку и снял

полотенце с картины. «Не примут... не возьмут...»

- Голубого Атилла видела, - настаивала девочка. — Вечером зимой!

- Может, и видела, глазастая фантазёрка! Иди сюда.

Красная тётя на картине была красивой, но её глаза будто не видели голубого сенбернара, а рука с тонкими пальцами не гладила, а будто хотела оттолкнуть голову с колен. А глаза Атиллы грустно смотрели в красивое лицо.

Вот за эту атиллову грусть тётя Глаше и не нравилась. И хотя девочка ничего не сказала, художник снова закрыл картину.

- ТО-то и оно! — улыбнулся он почти как Атилла. Не примут голубую собаку, не возьмут - не увидят. И женщина красная... так-то... они лучше знают, как художнику писать. Давай-ка лучше тебе порисуем, школе подаришь. Что изобразим?

- Всё равно она красивая, ваша тётя, успокоила девочка и под села к столу.

Художник уже рисовал речку.

Быструю горную речку, вода в ней бурлила, неслась по камням, а берегов у речки не было: вместо берегов над течением поднимались крутые скалы. И никому здесь не могло быть места, на этом рисунке, возле этой куда-то спешащей реки.

- Не нравится?

- К ней ведь никто подойти не сможет, а если олень пить захочет? - схитрила Глаша.

Дядя Володя засмеялся, взял второй лист, приклеил к уже нарисованному.

- Это мы сейчас поправим. Смотри...

С первого листа на другой упал водопад. Вода закипела под падающим потоком, закружилась в небольшом омутке и затихла на излучине у покатога берега, к которому подходила широкая тропа. Потом речка забурлила себе дальше, там снова поднимались скалы, и течению приходилось перепрыгивать через валуны. Но зато вокруг тропы, что подходила к самой воде, выросли густые кусты, поднялись деревья, и дуб отбросил тень на излучину. И появились звери.

Тропа была широкая, удобная и мирная: маленькое - всего-то с блюдце - озерцо-омуток могло всех напоить и примирить на время жажды.

Вот поднял голову с ветвистыми рогами красавец марал, с губ его ещё стекают чистые струи воды, а затуманенные глаза высматривают кого-то на другом берегу. И рядом с ним, скосив взгляд на роющегося в песке медвежонка, чуть замутив передними лапами воду, пьёт коричневая, почти чёрная, медведица.

На тропе уже хрюкает горбатый, с поднятой щетиной, с загнутыми на длинном рыле клыками, кабан. А у небольшого куста присел и насторожил уши заяц.

Кукушка кому-то задумчиво отсчитывает годы, сидя на суку старой ольхи. А выше неё из дупла выглядывает хитрая мордочка белки.

И шмель ровно гудит на красном диком пионе, а на шмеля, смешно склонив глазастую голову, удивлённо и заморожено смотрит косулёнок.

- Такая речка подходит?

- Да-да... подходит, здесь хорошо всем, - отвечает Глаша.

И здесь зазвонил телефон. Художник взял трубку и сразу стал серьёзным.

Под его руками ещё лежала разноцветная картина жизни у реки, в пальцах ещё катался коричневая палочка пастели, но было видно, что уже забыл он и про водопой, и про зверей возле него. И про Глашку забыл, которую зачаровала мирная жизнь в картине.

Не к месту зашипала царапина, напомнив про колючку и занозу. И про голубую собаку с красной тётёй вспомнила, потому что дядя Володя говорил в трубку, а посматривал на свою завешенную картину и становился всё озабоченнее. Девочка посмотрела на царапину, на след от занозы, ещё совсем горячий, и подумала, что голубой собаке тоже было бы больно, наткнись она на колючку. А красной тётё:

- А я ту колючку всё-таки вырвала! — сообщила она.

- Колючку? Да-да, это хорошо... - рассеяно ответил художник и снова заговорил с телефоном. — Нет, это не вам, отвлекся на секунду: у моей соседки занозу вытаскивали, вот она и вспомнила про колючку. Нет, совсем маленькая соседка, но да - красивая. Вот в первый класс с ней собираемся скоро, - он засмеялся чему-то в трубку и стал медленно, не глядя почти, водить по рисунку у реки коричневой пастелью. — Да, конечно, сейчас принесу...

Положил трубку, потёр себе лоб и бросил пастель на речной рисунок.

- Ты побудь-поиграй, птаха-понимаха, всё равно твоя мама ещё на работе. А я скоро вернусь, тогда и чаю попьём, - взял свою большую картину и ушёл.

Глаша ставит картинку на опустевший мольберт. Пришлось встать на цыпочки, но всё же установила: теперь сюда хорошо падал свет, и все звери будто сразу ожили. А вода — тоже будто живая — падала с уступа, ровно рокотала и кружилась в небольшом омутке, и затихала на излучине у покатога берега.

У самой воды, утонув копытами в золотистом песке, высматривал кого-то на другом берегу марал в золотой короне рогов. Всё так же рылся в песке малыш-медвежонок, и косила на него глазом пьющая из речки медведица.

Куковала кому-то кукушка, смеялась в дупле белка, и недовольно о чем-то хрюка на тропе горбатый кабан с пожелтевшими загнутыми бивнями. Поводил ушами заяц под кустом, и гудел на цветке под удивлённым взглядом косулёнка чёрно-жёлто-полосатый шмель.

К солнцу подплывало еле видимое облако, а речка, наполнив прозрачной водой озерцо у водопада, снова торопилась куда-то вниз от этой мирной тропы.

Девочка, зачарованная картиной, поправила один её бок на мольберте. И, опуская руку, вдруг... укололась.

- Непорядок! - раздался скрипучий голос.

Даже Базиль-Васька, дремлющий на диване, поднял голову на этот скрип, а сорока Зинка подпрыгнула на открытой створке форточки и завертела хвостом. Встал с места возле кресла сенбернар Атилла и подошёл к замершей возле картины Глашке.

- Это я, я говорю - не-по-рррядок! - вновь раздражённо проскрипел голос.

И Глаша увидела, как на широкой мирной тропе, что вела к водопою, зашевелила бугристыми ветками-отростками... обыкновенная колючка. Коричневая колючка, в рассеянности посаженная художником на самой середине тропы. Она вроде как шевелила сейчас ветками с острыми шипами и прямо на глазах взрастала, занимая всю тропу. Даже кабан, на что у него толстая шкура, и то удивлённо и тонко взвизгнул, наткнувшись пяточком на колючку. И попятился в испуге.

Перестала куковать кукушка, и заяц задробил лапкой в тревоге, и медвежонок, напуганный, засыпал себе глаза песком, и шмель присел на красном пионе, сразу двумя лапками удивлённо потирая себе затылок.

Озадаченный пёс Атилла тоже сунулся носом к картине, но укололся видно и, по-щенячьи визгнув, отошёл на своё место.

- Вот так-то лучше - и лежи, где положено, нечего собакам разгуливать, где не положено, - скрипнула Колючка. - И маленьким девочкам в лесу нечего делать, глазеешь тут. Сиди в кресле и жди, пока я тебе дела не придумаю...

Глашке ничего не оставалось, как подчиниться: что же делать, если даже такой солидный и храбрый пёс спасовал. А Колючка, ощутив свою власть, уже всю распоряжается на тропе.

- Ты же недавно пил, толстокожий грязнуля, - говорит она кабану, всё ещё нерешительно стоящему рядом. - Иди, занимайся делами.

- Я не грязнуля, - обижается кабан. - И мне надо войти в воду: там для меня камыш вырос.

- Ничего, вода здесь не для того, чтобы кабаны по ней хлюпали без толку. А тебе незачем зря куковать, лучше б полетела да узнала, как растут твои дети, - упрекает Колючка птицу.

- Они хорошо устроены, у них воспитатели очень заботливы, - оправдывается кукушка.

-Надо бы им подсказать, чтобы поостороже держали птенцов, а то так из кукушат вырастут такие же бездельницы кукушки, - вслух, будто она здесь одна, думает Колючка.

- Но ведь кукушки нужны деревьям, они самых вредных волосатых гусениц поедают, - пробует заступиться Глашка.

- Маленькие не должны возражать взрослым. Старшие всегда лучше знают, кто кому полезнее. Не так они и нужны, эти длиннохвостые, с толку лишь сбивают своим кукованием: я здесь загадала про себя, а она и полпраза не гукнула! Вы все теперь должны почитать и слушать меня, раз я здесь поставлена порядок соблюдать.

- Никто вас для этого не ставил, - пробует возражать девочка. - Пока вас не появилось, было тихо и красиво...

- Это зачем же меня посреди самой тропы посадили, сможешь ответить? Вот и помолчи. Ты, как я вижу, недобрая девчонка, и везде мешаешься - недаром моя сестра сегодня проучила.

От такой несправедливости даже кот зашипел и прыгнул с дивана, однако подойти близко не решается, только успокаивающе трётся о глашкину ногу: «не расстраивайся, мол...».

Колючка кота даже вниманием не удостоила.

- Так вот, раз меня здесь поставили, значит, я должна за всеми следить. Здесь был полный беспорядок. А вы меня слушайте, если хотите к воде подойти. Очередь установим, - принимается Колючка всеми распоряжаться и, как сказала, руководить. А что поделаешь - и вправду не пустит. Может, так и в самом деле положено. Здесь, на водопое, звери не привыкли спорить и ссориться.

Один красавец-олень постоял-послушал, да и перешёл на другую сторону реки, благо ноги длинные. «И рук-то нет, не то, что головы, а туда же...» - бормочет на прощанье.

А Колючка уже совсем разошлась: тому царапину, тому занозу, того скрипом голоса доймёт.

- Не убегай, косой, а то больше сюда не попадёшь вовсе. Скажи-ка, что умеешь, лопухий?

- Я...:? — заяц растерянно оглядывается на всех.
- Н-не знаю... морковку копать.

- Зато я знаю! Ты не посматривай на того рогатого, он шибко умный, думает. Так никуда ведь не денется, вернётся. А ты, косой, хочешь к воде подойти - окопай-ка вокруг меня тропу, натоптали, понимаешь, а я сиди теперь в такой жёсткой земле!...

Вот так, теперь можешь минут пять у речки побыть, умыться. Да не плещись попусту, знаем вас!

- кажется, что после зайкиных усилий Колючка ещё вширь раздалась.

А зайцу уже не хотелось ничего, и он юркает в кусты.

- Тебе тоже дело придумала, - скрипит Колючка кабану. - Нечего на меня пялиться, мимо не пройдёшь. Во-он от того дерева, где кукушка сидела, на

меня тень падает. Подкопай-ко с одной стороны у корней, я медведицу заставлю с другой поднажать, - Колючка между делом колет подошедшего близко медвежонка.

Тот верещит и бросается к матери. Но медведица не решается возражать, только прижимает сына к себе, успокаивая.

- Но здесь мой дом! - прячется и вновь выглядывает встревоженная белочка.

- Ничего страшного, только о себе думаешь, а ты не одна здесь. И скорлупу не расшвыривай!

- Но у неё там бельчата маленькие, - напоминает Глаша.

- Новое дупло найдут, вон дрозд к зиме улетает, пустит пока... Моим родственникам тоже солнце нужно, а вы здесь топчетесь!

И Глаша видит, как увядает красный цветок, на котором сидит шмель. Потому что рядом проклюнулась новая колючка. И ещё несколько, пока еще не таких значительных, как первая Колючка, разбегаются по тропе почти до самого песка у воды. Теперь уже и главная Колючка чувствует себя совсем хозяйкой.

- Хватит на сегодня, - скрипит она. - Мне тоже отдыхать нужно. Расходитесь все. И тебе пора домой, девчонка! А ты, медведиха, не будь дурой, отпихни этого кабана с тропы.

Кабан, который уже готов был подрывать дерево белки, послушно поворачивается уходить, медведица высматривает, как бы ей с медвежонком пройти, не задев колючую семейку. А косулёнок жалобно зовёт маму-косулю.

И кто знает, что ещё натворила бы назавтра Колючка у мирного водополя.

Но здесь радостно пролаял Атилла, трещит, онемевшая было сорока Зинка. Вернулся художник.

- Вытри ноги, когдаходишь в дом! - приказывает ему Колючка.

Художник сначала очень удивился - откуда на картине взялась такая зловредная Колючка? А там, дальше и вокруг неё, ещё новые подрастают... И всё вспомнил: как говорил по телефону, как машинально рисовал на тропе. И всё понял, потому что хорошо знал, как быстро они плодятся.

А на водополе у водопада - он теперь хорошо видит - уже нет спокойствия и гармонии, и красота увядает - всё перекошено оказалось в картине.

- Спасибо за напоминание, - улыбается художник Колючке. И в самом деле - что толку спорить с глупостью и чванством, их надо бы просто игнорировать. Да-а, скажут, а если они - на тропе? - Вот только у вас здесь ещё одного животного нехватает...

- Вот видите, _ Колючка обводит всех торжествующим взглядом. - Не я ли говорила, что не зря здесь поставлена и расту!

- Не надо больше никого, дядя Володя! - пугается ещё за одну жертву Глаша. - Она же и его...

- А ты ещё мала, повторяю, чтобы нас судить, - перебивает Колючка.

- Знаю, знаю, - улыбается художник. — Наша вина, нам и спасать мир, не то сплошное лакейство разведётся.

Он берёт пастель, о чем-то думает немножко,

прищурился, потом ещё два цвета, вот - коричневый, чёрный и жёлтый - и рисует... не догадались? - Верблюда. Как и положено: буро-коричнево-жёлтого, правда, с одним горбом - дромедара.

Девочка смотрит на руку художника снизу, а Колючка даже вытянулась вся, чтобы разглядеть. Другие звери тоже незаметно посматривают - тесновато становится у речки.

- Нет-нет, его - убери! - приказывает Колючка.

Верблюд задумчиво смотрит куда-то далеко, может быть он видит свою пустыню, где есть простор и свобода? Кажется, ему никакого интереса нет ни в тропе, на которой он оказался, ни до падающих в омут струй, ни до растерянных зверушек возле коллечек, ни до главной Колючки.

- А почему он такой грустный? - спрашивает шёпотом девочка.

- Да он просто голодный.

- Нет... Прочь! Я жаловаться буду...

Верблюд же встряхивает горбом и всё так же задумчиво и неторопливо начал свой обед, или уже ужин, с этой самозванной повелительницы тропы. И остальных её родичей.

- Я думал, она вкуснее — такая-то важная, - бормочет верблюд. - А больше мне здесь и нечего делать, разве что попить на дорогу, - он оборачивается к дяде Володе, в углу рта ещё торчит последний отросток так напугавшей всех Колючки.

- Пожалуй, ты прав, - соглашается художник. - У каждого свой мир, и не будем этому мешать жить. Удачи тебе там и полных колодцев на пути.

Он берёт мягкий ластик и осторожно, чтобы не

нарушить восстановленного покоя, стирает дромедара — ведь этому верблюду надо побывать ещё во многих других местах, где вырастают колючки.

- Уже вечер на водопое, - напоминает Глаша своему другу.

- И ты права, - соглашается художник.

Несколько движений руки с ластиком и пастелями делают картину ещё красивее: солнце катится за гору и прощально шлёт сонные малиново-голубые лучи. И все звери будто меняют окраску, даже чёрно-жёлто-полосатый шмель становится немножко розовым и чуть голубоватым...

- А как же голубая собака? - вспоминает девочка. Её приняли?

- Может и приняли бы, - отвечает художник. - А может и нет. Только не донёс я её до выставки - подарил я ту голубую собаку.

Вяч. К.

КОГДА НЕ ПИШЕТСЯ ПРОЗА

Остров Готланд многие века был началом (или концом?!) знаменитого торгового пути «из варяг в греки», так что к разноречью голосов жители его привыкли издавна. Теперь это ещё и разноречье голосов поэтических, художнических - переливающихся друг в друга и сливающихся в единый поток человеческой культуры. Сама атмосфера Висби, с его древними крепостными стенами, с его храмами, скалами и морем, располагает к мирному общению и осмыслению жизни и целей её...

Здесь и прозаики порой обретают ритмический голос, который так естествен в посвисте ветра, рокоте волны, шелесте листьев... И девичьем смехе, не нуждающемся в переводах.

можжевеловых ягод, их терпкий
оскоминный вкус -
меня возвращает к началу,
где Один судил - не Иисус.

Где воины, павшие в битве,
в Вальгалле
у хладных костров
застыли немym ожиданием
в потомках проявленных снов.

Но сны - что же сны? -
маскарадны,
как жизнь на краю бытия:
так берег уходит туманный,
крик чайки последний, прощальный...
Не знаю - где сон, а где явь...

НА ФОРЁ*

Заметки на полях.

Памяти Андрея ТАРКОВСКОГО.

Я в фильм попал. И свой снимаю фильм.
Суровый фильм
по-бергмановски медлен
и горек,
как черемша - чеснок природы дикой.

.....
*) Форё - островок возле о. Готланд (Швеция), где ныне дом живого классика мирового кино Ингмара Бергмана, его к/студия и киноархив. Здесь А. Тарковский снимал сцены своего последнего фильма «Жертвоприношение».

Там овдовевший лебедь
бьёт крылом волну...

Любовью моря истощённый камень:
угрюмые любовники
волны
на берегу застыли в ожиданьи.
Не так ли я - утрачивая -
запоздало учился нежности...
Но вновь вернуть её
уже не мог.

Мы много говорим...
Не помня,
что и железо стирается,
и камень - песком сочится,
а суетное слово слышится медяшкой,
под ноги брошенной.
Лишь ветра свист
да грома выстрел тяжкий -
вне времени - имеет смысл.

Я ухожу. И вот уже матросы
швартовы отдали.
И берег суши
махнул в тумане мельничным крылом.
И призраки слетелись
на паром:
По мою душу?..

Vis by, Gotland, August, 2000 y.

СНОВИДЫ

Вы — живы - там? —

Вы — помните — меня:

погрязшего

в забвеньи многая

веков далёких -

Я-был - Я-нет - Я-есть —

Я - буду:

но - тогда-когда —

звон

колокола

погрузится

в море (...)

* * *

уже не кровь

в тебе:

в Тебе -

- Время:

- с глазами - тех -

- ушедших-

-шелестящих

твоими снами.

* * *

Сон: без памяти:

лишь шорох

ощущений —

собачьего

языческого взвизга:

от:

радости-печали

Ожиданья -

господа, -
и не говорите, что вы
новаторы;
и Вийона откройте,
судари,
или Парни:
пристало ль кичиться
"свободой выражений";
к Баркова стиху обратитесь,
дурнословцы,
и не пижоньтесь -
цинизмом;
в Босха взглядитесь,
умники, -
и не пугайте меня -
"авангардом";
и Полоцкий,
как Мосх еще во время Оно
стихами составлял фигуры;
а цвето-смерчи
Ван-Гога
и ныне возносятся к Богу;
хоть
Гойи
листы обнажите -
и оглянитесь на зеркало:
"Капричос" -
перевожу я на русский —
уроды...
мы - лишь продолжение...
(лишь строчка
криво написанного
стихотворенья...)

* * *

ни мудрости,
ни знания, ни песен:
всё сквозь -
всё в промельк
и - в пролёт...

* * *

кипят во мне
и
льдом кровавым
оседают на дно -
чего? - души? - сознанья? -
непознанья? -
недознания -
их боли:
всех... кого "спасают",
сжигая,
чьих детей
сшибают лбами,
выбивая -
искру властишки,
звон монет
иль ладошный грохот...
но однажды
молнию получишь,
пепелящую
и воду, и огонь,
и трубы медны ◊

* * *

Туман седым покрывалом
покрыл
цивилизованный ад
и снова: как будто -

начало:

с усмешкой

глаза глядят -

оттуда, из занебесья:

на страхи

и на топор,

что так же,

как повелось со стариц,

всё рубит тот самый сук...

затихло в туманном подлуньи,

лишь стук

топора

да шорох твоих ресниц

* * *

На Россию

опять ложится

кровавым потом туман:

на песенно-белые ситцы -

очередной обман.

Теперь и шептаться

устали,

потребны опять -

вождь и кнут...

сраму - в нищете и

печали -

вновь «мёртвые не имут» >>>---

* * *

Исход-Нашествие
Мчатся

кони и люди:
с Востока на Запад,
с Восхода - на Закат
гнётся земля, что медное блюдо:
женщины - дети - верблюды
несутся с Востока на Запад.
Ветер ли гонит, иль Время,
или Голода наважденье,
а то и проще -
Тоска по Движенью
тянет за Солнцем
к стремени стремя:
за Солнцем,
что — ещё — пока —
греет.

* * *

Окаменелость головы
(своей? былой? иль будущей?)
нашёл в заветрии залива
Färö
(или по-русски - Форё),
где стонут статуи,
изваянные морем
и ветром,
суровости которых
не оспорить...
им — каменным — отсюда
не уйти,

а мне - пока живому -

не остаться^^^.

*Артистам «Другого театра»,
играющим в туниках
перед зрителями в шубах*

Я, возможно,

умру,

холодея

в заманчивой позе.

ТРИОЛЕТЫ

А.Д.

1.

Уходят: детство

и отцы,

как первые влюблённости, -

уходят.

Но не вини себя, не стоит.

Уходят: детство и отцы -

у времени свои законы:

звонят колокола, и к вечности

звон их восходит.

Уходят детство и отцы,

как первые влюблённости, - уходят...

2.

Топаза тихий жёлтый свет,

и серых глаз тревога:

прозрачность чаяний и тяжкий Дар -
от Бога.

Топаза тихий жёлтый свет:
как отражённая дорога -
луны в воде и мысли полубред.
Топаза тихий жёлтый свет.
И серых глаз тревога...

3.

Рай предрешён - прошедшим
через Ад,
идти своим путём всегда непросто.
И даже сомневаясь, не гляди назад:
Рай предрешён прошедшим через Ад.
Что пересуды - пусть их говорят,
ты верь лишь в путь свой звёздный.
Рай предрешён - прошедшим через Ад,
Иди своим путём всегда непросто.

4.

С тобою знаем мы: провинция - не географии
понятье,
провинция - скукоженность души.
Каких Парижей (иль Стокгольмов?) человек ни
купит платья —
с тобою знаем мы: провинция
не географии понятие -
ни злость, ни сплетня и ни зависть
не скроются за них, как ни пляши:
с тобою видим мы: провинция
- не географии понятие,
провинция - скукоженность души.

Свой парень	3
Пустыня	5
Первая встреча	8
Настроение	16
Дороги	17
Возвращение	18
“Гений мой...”	20
Колючка	27
Когда не пишется проза	41

Вячеслав КАРПЕНКО
ПРИДОРОЖНИК

Рассказы, стихи

Серия “Библиотечка
калининградского ПЕНа” издается
как приложение к журналу
“Параллели”.

Дизайн, редактор - Алексей ПОПОВ

6-00

тираж 500 экз.

Думается, одной из первостепенных черт величия Художника становится его восхищенность, зачарованность Женщиной.

Женщина как источник и утверждение Красоты, как средоточие чувственной и духовной основы в природе. Женщина как продолжение и превращение. Из точки в окружность, из окружности в звезду и дальше - во Вселенную.